

СИБИРСКИЙ ТИТАНИК

Для многих россиян личность Никиты Михалкова нераздельно слита с образами его киногероев. Одни ассоциируют его с Сергеем Сергеевичем Паратовым, жестким и расчетливым русским купцом из "Жестокого романа", другие вспоминают образ проводника из фильма "Вокзал для двоих", третьи, наконец, "Утомленных солнцем". На самом деле еще неизвестно — кто кому больше обязан: он своим героям или они ему. Сейчас Михалков безвылазно сидит в Париже, заканчивая монтаж фильма "Сибирский цирюльник". Пока кипят страсти вокруг его имени, он завершает свой труд. Нашему корреспонденту в преддверии окончания этой грандиозной работы удалось встретиться и побеседовать с режиссером.

мя съемок нами было создано около восьми тысяч рабочих мест в Красноярске, Нижнем Новгороде, Горбатове, Москве! Мало того, впервые в истории отечественного кино такого масштаба были оплачены все услуги армии, милиции, ГАИ и других организаций без всяких скидок и льгот, что, к примеру, было выведено из бюджета фильма "Война и мир". Даже солдаты срочной службы, снимавшиеся в массовых сценах, помимо горячего питания на площадке получали зарплату. И пусть мне кто-нибудь скажет, что это не целевое использование государственных средств сегодня, когда наша армия так унижена и оскорблена.

Впрочем, об армии надо сказать особо. Наш фильм напрямую с ней связан. Он — о восстановлении чести и достоинства русского офицера, это фильм о настоящей России.

Чтобы снять на Соборной площади в Кремле, мы отстранили колони

чаю просто и конкретно: никто и ничего. Потому что мы, наша студия, научились жить по принципу: хочешь зарабатывать — вкладывай в производство, создай рабочие места, накорми людей, дай им возможность получать удовлетворение от того, что они делают за те деньги, которые ты им платишь. И тогда ты можешь быть спокоен, Господь тебя не забудет. Принцип же "Сначала съем сам, а остальным — что останется" — действует краткосрочно и быстро, как функция желудка.

— Все это очень впечатляет, но знаете ли вы, что по существующему законодательству ваш фильм не является национальным?

— Это действительно так, и в этой ситуации для меня трагедия, что действует закон, согласно которому национальным является тот фильм, иностранные инвестиции в который составляют не более 30%. То есть, другими словами, если у нас самих денег нет на национальные фильмы, то и за границей их брать нельзя, поскольку тогда фильм считается не национальным. Но это закон пагубный. Мне казалось, что, убедив западных партнеров вложить почти 30 млн. USD в русскую историческую картину, мы совершаем подвиг во благо Отечества. На самом же деле, по действующему законодательству, такой фильм перестает быть национальным.

— Где выход?

— Всеми средствами добиваться установления фильму статуса национального и вести официальную работу на всех уровнях власти, чтобы добиться изменения законодательства, губительного для отечественного кинематографа.

— Но когда речь идет о более дешевых фильмах, так называемых малобюджетных, вы порой высказывались против их финансирования...

— Это не так. Просто я считаю, что малобюджетный фильм — это фильм, в котором не может быть знаменитых актеров, спецэффектов, масштаба действия, смысл его заключается только в том, чтобы отвлечь интерес зрителя, как, например, фильм Людмила Сидловой "С днем рождения" или фильм режиссера Александра Рогожина "Особенности национальной охоты". Но индустрия кинематографа поднимать эти фильмы не в состоянии. В США и в других кинематографических державах делают крупномасштабные фильмы, причем не только исторические, и они соответствуют интересам национального, то есть государственного самосознания в самом высоком и чистом смысле этого слова. Вот почему я надеюсь, что наш фильм "Сибирский цирюльник" сегодня нужен нашему зрителю не только как художе-

ства — это служение. Служение не только народу, Стране. Но и служение определенным принципам. Идеалам, традициям, которые наверняка много старше, выше, много значительнее тебя. Ты — их слуга, их раб. Если у тебя нет понимания, что ты служишь, что ты — только звено истории, если ты этого не чувствуешь — не лезь. Будь кем угодно — но быть главой государства у тебя нет никакого права. Ты только беду принесешь стране, да и себе в конечном счете.

— Так обстоит дело во всем мире. А у нас, где все традиции раскопаны, наполовину выкорчеваны, — это в тысячу раз важнее. Рыба с головы гниет, это верно. Но ведь и выдоравливает рыба должна с головы! Именно президент обязан шить, оживлять традиции. Как он это может делать, если не личным примером?

— А у вас такое понимание президентства есть?

— Для меня это религиозный вопрос. Я бы решил на такое, только если бы чувствовал, что это угодно Богу, если бы мне это "приказал" внутренний голос; если хотите назвать иначе — моя совесть.

— А у других, уже объявленных кандидатов в президенты такое чувство долга, вы считаете, есть?

— Вы меня не провоцируйте на критику в чей-то адрес. Скажем так: это вопрос их совести.

— Все-таки это странный, какой-то "романтический" подход к такому вполне земному вопросу. Выходит, нам не президент нужен, а царь.

— Да. И потому-то я и считаю, что для России необходима монархия. Конституционная монархия.

мировать человеческую среду обитания — с самоуважением, приличиями, с чистыми ногтями и застегнутыми броками. За нас это некому делать. Вот я стараюсь в той области, которую понимаю.

Я родился и умер в России, как, надеюсь, и мои дети, и внуки их, и их дети, и так далее. Эта страна — моя. Я ее совершенно просто и искренне люблю. И я хочу сделать все что могу для того, чтобы жизнь в моей стране была лучше. Вот так просто.

Я не на ровном месте родился и вырос: за мной стоит история моей семьи и моей страны. Я — листок на дереве русской культуры.

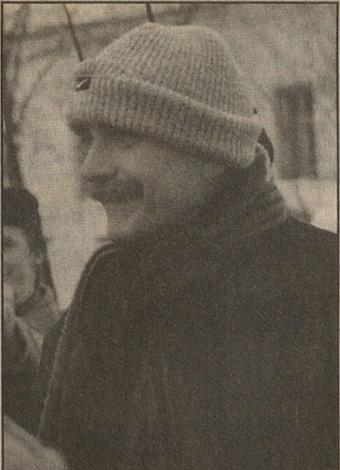
Но это не значит, что я испуганный провинциал, который боится выйти за околицу. Я знаю Запад куда лучше, чем большинство наших "идеальных западников": я один из, увы, немногих в России, кто свободно общался с сотнями людей, которые создают западную культуру — и массовую, и элитарную. Там много моих друзей, я их очень люблю и уважаю. Я всегда делал и буду делать русское кино, оно только этим и интересно — и мне, и другим. Но делать его, не зная мирового кино, не зная, не чувствуя европейскую культуру, американскую цивилизацию, великую и примитивную силу Голливуда, — просто невозможно. Это как заниматься высшей математикой, имея на вооружении только деревянные счеты.

— Вы русский националист?

— Я считаю себя русским патриотом, и давайте научимся различать эти понятия. Националист — это тот, кто любит себя за счет других. Мне лучше вас. Знаете анекдот: "Армяне лучше, чем грузины!" — "Чем?" — "Чем грузины!". А патриот — это тот, кто хотя любит, ценит и понимает свое, но это вовсе не мешает ему точно так же ценить и любить иное. Ему близок любой, кто по-настоящему его понимает, хотя бы пытается понять, и вообще истинными интернационалистами могут быть только истинные патриоты — как и в искусстве только истинно национальное становится интернациональным на века.

И никогда у меня не было ни желания, ни времени различать моих друзей и коллег по национальному признаку: Кавказ — армяны, Тодоровский — еврей, Ибрагимбеков — азербайджанец, Квициадзе — грузин, Янковский — русский. Но я, как говорится, ценю их не только за это.

И потом, о каком шовинизме может идти речь, если именно я пригласил на IV съезд кинематогра-

фистов и православного священника, и муллу, и планового раввина, и все они по моей просьбе выступили с трибуны Дворца съездов в Кремле.

Когда это вообще было в истории нашей страны — и когда еще повторится?

— Но вас подозревают в другом: в шовинизме, имперских амбициях, антисемитизме. Можете, потому к вам так подозрительно относятся многие демократические критики?

— Да оставьте вы, Бога ради, эту чушь! Какие бы они ни были демократические, но они — я уверен — все-таки не сумасшедшие. Какой же это шовинизм, антисемитизм? Разве вы не понимаете, что нетерпимость к другим, вечные поиски врагов — это же просто от тяжелой замкнутости сознания. У меня чего-чего, а комплекса неполноценности не было никогда. Ни в чем. Ни перед кем. И рост у меня 187 см, и зубы свои.

— Что касается "имперскости", то да: я люблю империю, и у меня тут хорошая компания — Пушкин, скажем. Не было бы империи — не было бы Петербурга. Вообще, это судьба России — быть великой многонациональной империей. Кстати говоря, она никогда ничем иным и не была, только называлась по-другому.

И не "имперскости" мне не могут простить критики. Это все из другой оперы.

— А в чем же дело?

— Да все в том же: в простой человеческой зависти. Одних она толкает к шовинизму, других — в революцию, третьих — в такой вот "либеральный террор". Чувство понятное, житейское, только простой человек скажет просто: "У них денег больше не клюют, а у нас на воду не хватает", — и пойдет нуры сарай подожжет у соседа. Ну, а образованный человек сумеет целую теорию сочинить, все свои таланты вложит, так обо мне напишет — зачитаетесь. Не зря учились...

— Читайте?

— Иногда. Что ж, смешно... Ахматова писала: "Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда". Стихов мне критики не посвящают, а злобные — и иногда довольно талантливые — статьи растут из зависти. Ну что ж: Бог в помощь. Вы завидуете мне как "баловню судьбы". Ребята, да вы повзлаживайте — не с мое, это у вас в два дня пупок развяжется, а хоть бы в несколько раз меньше, чем я... Повзлаживайте, а потом завидуйте хоть со знанием дела. И вообще, подумайте о том, что Фадей Булгарин вошел в историю русской словесности только потому, что клеветал на других, более талантливых, например, таких, как Пушкин и Грибоедов. Но поверьте, это не лучший путь к славе.

— И вам не обидно?

— Да нет. Мне по большому счету важно одно: чтобы моей матери Там, на Небесах, и моему отцу, детям и внукам Здесь, на Земле, не было бы за меня стыдно. Вот и все.

— А все-таки трудно ли быть Никитой Михалковым?

— Быть трудно, а стать еще труднее.

Беседовал Евгений КОМАРОВ.

САМ СЕБЕ РЕЖИССЕР

Легко ли быть Михалковым?

-В связи с вашим именем прессу будоражат сейчас два вопроса: фильм "Сибирский цирюльник" и президентские выборы - 2000. Давайте начнем с фильма. Ваш новый фильм пресса уже окрестила "Сибирским Титаником". Говорят, что это самый дорогой фильм в Европе, что стоит он 40 млн. долларов. Почему так дорого?

— Цифру 40 млн. впервые назвал я сам. И назвал потому, что это характеризует качество продукта. Я хочу показать, что и в России, которую все сегодня ругают за то, что тут нет того-сего, можно снимать кино мирового класса. При прочих равных условиях чем больше вложено средств, тем более качественный фильм получается. Если, конечно, все делается правильно.

— Но эти деньги, даже если они потом возвратятся, надо сначала где-то взять. Откуда у вас 40 миллионов долларов?

— Если бы ситуация была нормальной и здоровой, то я бы ответил коротко: увидите фильм осенью — и все поймете. Сегодня я нарушу свои правила не объясняться с прессой, ибо поставленные вопросы волнуют, видимо, не только ее, но и моих кинозрителей.

Вопросы эти возникают в сотнях писем ожидающих эту картину зрителей, ежедневно получаемых моей студией. Сразу хочу уточнить: фильм "Титаник" стоил 250 миллионов долларов, т.е. в шесть раз дороже нашей картины. Что делает более чем вдесятеро сравнение бюджета этого шумящего в мире фильма с нашей картиной. Для сравнения, кстати, средний бюджет американского костюмого исторического фильма составляет 70—120 миллионов. Как русский режиссер я горжусь тем, что мне удалось убедить наших западных партнеров вложить почти 30 миллионов в русский исторический фильм о мальчиках-юнкерах, будущей гордости России, — русских офицерах, большая часть из которых погибла в первой мировой и гражданской войнах. Во-вторых, я горжусь и бесконечно благодарен Виктору Черномырдину, который, находясь в ранге премьер-министра, нашел время прочесть сценарий, проявил государственное отношение к такого рода проектам, основывающимся на культурных и исторических традициях, питающих национальное достоинство. Это в конечном счете и решило вопрос о субсидировании фильма. На мое письмо с просьбой выделить 10 млн. долларов вышло соответствующее Постановление Правительства России. Таким образом, домьслы, прозвучавшие в прессе о якобы отобранных деньгах, пользуясь положением председателя Союза кинематографистов России, являются не более чем провокационной подтасовкой. Деньги эти не имеют никакого отношения к смете Роскино и выделены были за два года до избрания меня на должность председателя правления Союза кинематографистов России, что опять же, с моей точки зрения, должно было бы стать поводом для гордости, а не пищей для дешевой и пошлой фальсификации.

В свою очередь, Роскино выделило на нашу картину 11 миллиардов старых недеминированных рублей. Таким образом, общий бюджет международного фильма составил около 40 млн. долларов США.

— И все же деньги, прямо сказать, неприличные для нашего кинематографа...

— Но и фильм такого масштаба и таким образом никогда не создавался в России. Наш фильм — это эпопея, действие которой происходит в течение 20 лет конца прошлого — начала нынешнего столетия. Эта сага потребовала восстановления мельчайших подробностей, деталей быта, архитектуры улиц, изучения русского национального костюма всех сословий того периода и پوشа его в количестве более шести тысяч штук. Массовые сцены в нашей картине оцениваются в 65 тыс. человеко-дней. А разве плохо, что за вре-

кольно Ивана Великого. А разве можно утратить нас в том, кто люди, работавшие по 16 часов в сутки в мороз и в жару, получали горячую пищу в течение рабочего дня и жили в нормальных, человеческих условиях? Сотни организаций и тысячи россиян участвовали в создании фильма на всей территории страны. А если прибавить к этому погодные условия, когда в феврале 1997 года в Москве не было снега, и мы закупили тоннами соль и привезли из Франции снеговые пушки? А если вспомнить, как многотонные декорации праздничного города на льду пруда у Неведейского монастыря были на грани гибели и стали погружаться в воду вместе с трехтысячной массой? И выходом из положения была только помощь МЧС и нескольких заводов по производству сухого льда. Представляю, какие проблемы были у продавцов мороженого: каждый день мы закупили по 40 тонн искусственного льда. И все это надо было еще убрать после съемок и убрать быстро. Кроме того, около 1,3 млн.

Меня удивляет даже не то, что я как будто никаких поводов для таких вопросов не давал. Куда важнее другое — интонация. Знаете, об этом так примерно спрашивают: "Вы на фурушет в "Метрополь" пойдете? Завтра, к пяти? А в президенты пойдете?"

И никто так ставить вопрос не стыдится: считается, что это вполне нормально — откровенно шутливо относиться к президентской кампании как к голой игре в карьеру. Деньги и рейтинги. Президентская кампания — самореклама, способ выбить

ственное произведение, но и как определенный знак, указывающий пути выхода нашей киноиндустрии из кризиса.

— Теперь о выборах. Скажите прямо: вы будете баллотироваться на пост Президента России?

— Мне все время задают этот вопрос. Я хочу наконец ясно объяснить, что я обо всем этом думаю.

Меня удивляет даже не то, что я как будто никаких поводов для таких вопросов не давал. Куда важнее другое — интонация. Знаете, об этом так примерно спрашивают: "Вы на фурушет в "Метрополь" пойдете? Завтра, к пяти? А в президенты пойдете?"

И никто так ставить вопрос не стыдится: считается, что это вполне нормально — откровенно шутливо относиться к президентской кампании как к голой игре в карьеру. Деньги и рейтинги. Президентская кампания — самореклама, способ выбить

долларов мы заплатили только налогов. А различными московскими организациями, помогающим снимать фильм, перевели более 2 млн. долларов.

Я не считаю себя вправе называть сейчас гонорары западных звезд: Джулии Ормонд, Ричарда Харриса, других актеров, но поверьте: они на уровне мировых стандартов. Никто скидок на бедственное положение российского кино не дал и, главное, делать не будет.

Не забудьте, что фильм еще не дало смонтировать, озвучить, записать музыку — это 2 часа значущие по своему составом симфонического оркестра, создать специальные компьютерные эффекты, которые, между прочим, мы впервые делаем в России. К тому же мы хотим, чтобы зритель увидел этот фильм в том величии изображения и звука, которые предоставляют новейшие технологии, — все это очень и очень недешево. И все это от начала до конца отражено в финансовых документах.

А вопросы, которые задают прессы относительно стоимости фильма, как правило, с сожалением, олицетворяют не просто интерес к фильмопроизводству, а выражают современную новорусскую воровскую психологию: мол, если он выжил 40 миллионов долларов, то сколько и кто украл? Ответ-

какие-то льготы у власти, кому-то продать голоса, которые ты выдурил у избирателей.

Вот такой — торговый — подход к президентским выборам и со стороны прессы, и со стороны самого кандидата — он не просто циничный и постыдный. Он ужасно глупый. Ведь если даже здесь, даже на таком месте нет понятия "долг", даже здесь одна торговля, игра и кокетство, то на что же можно вообще в нашей стране надеяться? Играем-ся в выборы. В законы. А в основе одно: "А что я с этого буду иметь?" В таком эгоистично-шлющевом смысле. Вот этот колючий мальчишеский цинизм демократии — цинизм просто от недоумия. Он нас погубит.

Так вот. Я вообще давно уже мужчина взрослый. И к вопросу президентских выборов тоже отношусь вполне по-взрослому, без игр. Реклама мне, как вы догадываетесь, не нужна, а для шоу можно выбрать другую тему.

Президент страны должен быть и умным, и спокойным, и опытным, и волевым, и много еще других качеств у него должно быть. Но всему этому цена колка, если главного нет. А главное — это одно: понимание, что такой пост — это не пьедестал для себя, любимого. Быть главой государ-

— Но ее нет и, видимо, не будет.

— Скажите спокойнее: в обозримом будущем не будет. Но, как говорили: "царь должен быть не в Петербурге, а в голове". Дело в конце концов не в слове (хотя оно и важно). Дело в нравственной позиции. Сегодня, раз нет государя, то у президента в России должна быть позиция царя. Не в смысле самовластия и самодурства (кстати, у русских царей, если знать не советские учебники, а подлинную историю, как раз этого и не было), а в том, что президент должен видеть себя слугой Отечества, частью русской истории, наследником и восстановителем традиции. А не просто ловким политиком-популистом или игроком в политику, который на 5 минут переиграл других ловкачей, подглядыв их карты. Это мелко и вообще для мужчины, извините, стыдно.

Лидер такой страны, как Россия, — это не просто политик, это образ. Причем образ определенный. Произносимое и делаемое им должно быть внутренне органично, а не просто понятно народу.

Органично же я называю то, что в причинах своего существования опирается на естественную корневую систему исторических традиций страны. Тогда даже и вынужденные лишения и страдания становятся созидательными. Мобилизуют, а не расслабляют. Примером тому может служить массовый героизм и единение нашего народа в годы Великой Отечественной войны. Замечательная мысль, высказанная Достоевским: "Политика — это любовь к Родине". Но самое главное, чтобы эта любовь была взаимной.

Вспомните, например, Черчилля. Он имел мужество и моральное право говорить нации: я могу вам обещать только кровь и слезы. Он выступал не просто политиком, а моральным лидером, который отстоял высшие принципы своей страны, ее свободу, достоинство, независимость. А уж он-то был хитрым прагматиком. Сверххитрым и сверхпрагматиком. Но была и высшая цель, было чувство сопричастности истории своей страны.

— В своем фильме вы сыграли роль Александра III. Как вы понимаете эту фигуру?

— Это был мощный государь с исключительным чувством долга. Свое чувство долга он воплотил в простые, сильные и очень полезные для России решения. Такие же простые, сильные, благородные, как он сам.

— Можете быть, отчасти в связи с этой ролью о вас и заговорили как о будущем лидере страны?

— Да, может, и так. Тихонова чуть не наградили за подвиги Штирлица в годы войны, Бабочкина не отличали от Чапаева, Высоцкого — от Жеглова. Это бывает. Только сам актер, если он не псих, должен помнить, где кончается роль, а где начинается жизнь. Кстати, Рейган ни президентов, ни сенаторов в кино не играл.

— К роли царя в жизни вы себя не считаете готовым. А как вы себя чувствуете в роли председателя Фонда культуры и Союза кинематографистов?

— Я-то себя чувствую хорошо, иначе ушел бы, да, вернее — и не брадобы бы. Интересно, как себя чувствуют под моим руководством Фонд и Союз. Ну, про Союз говорить все-таки пока рано, а вот про Фонд могу сказать. Он стал прозрачен как никакая другая организация в нашей стране. Первые в России мы издали отчет — ежегодник Фонда: читайте все, все наши расходы, доходы, смотрите, какие программы мы развиваем, куда идем.

— А все-таки — зачем вам это?

— Да все за тем же. Восстанавливать духовные традиции. По шапку, по стежку. Помогать создавать нормальное, человеческое общество. Хватит орать — все ужасно, рубли его под корень, да основанья, а затем... Все вырубали до основания два раза. Мы уже живем в эпоху "а затем". Пора фор-

37 Михалков Микиса

Моск. комсомолец 1998. Февр. с.3.

37